

вать на невиновности Кривошеина и утверждал, что тот стал жертвой неблагоприятных интриг. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Дело Кривошеина (1894 г.): взлёт и падение «ростовского Кречинского» // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2013. № 2. С. 15–32.

⁵ Остаётся сожалеть, что в книге не рассмотрено участие кн. Мещерского в распространении, как минимум, двух из известных четырёх версий того, как и почему в августе 1903 г. Витте покинул Министерство финансов. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. Ч. 1. С. 208–215; *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2016. С. 883–884.

⁶ *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018. С. 638.

⁷ Подробнее см.: *Соловьёв Ю.Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 311–318; *Андреев Д.А.* Победоносцеву был органически присущ морально-этический максимализм // Российская история. 2013. № 1. С. 118.

⁸ *Котов А.Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; *Полунов А.Ю.* Победоносцев. Русский Торквемада. М., 2017; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010 (обсуждение книги см.: Российская история. 2013. № 1. С. 91–119).

Алексей Васильев

Рец. на: Р. Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Алетейя, 2017. 208 с.

Aleksey Vasiliev

*(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Institute of Central-East Europe, Lublin, Poland)*

Rec. ad op.: R. Dmowski. Germania, Rossia i Pol'skiy vopros. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870001586-5

Анализируя историю Польши межвоенного периода, известный английский исследователь Н. Дэвис пишет, что полное описание политического спектра страны потребовало бы создания небольшой энциклопедии. Однако при этом никого «невозможно сравнить по значению с двумя людьми, личности и идеологии которых доминировали от начала до конца. Этими двумя были Роман Дмовский и Юзеф Пилсудский»¹. Действительно, они составляли «бинарную оппозицию», системообразующую для Второй Речи Посполитой. Более того, их образы, идейное наследие и созданные ими организации не только влияли на общественную жизнь рубежа XIX–XX вв., но и по сей день остаются важнейшими элементами политической культуры и «местами па-

мяти», вокруг которых складывается и поддерживается идентичность самых широких кругов общества. Отношения Пилсудского и Дмовского были таковы что, когда в 1935 г. первый умер, второй — один из отцов государства, бывший министр иностранных дел, лидер влиятельного движения — не получил приглашения на похороны. В свою очередь, на похоронах Дмовского в 1939 г. не присутствовал ни один представитель правительства. И даже сегодня по улицам польских городов проходят демонстрации с лозунгами типа «Дмовский — не мой герой!», но можно встретить и немало людей в футболках с его портретами и цитатами.

Вместе с тем «освоение» этих двух фигур отечественной историографией крайне неравномерно. Пилсудский присутствует в ней

в гораздо большей степени, прежде всего благодаря наличию нескольких качественных научных биографий, изданных на рубеже XX–XXI вв.² Кроме того, в массовом историческом сознании продолжает жить образ «пилсудчиков» и их вождя, созданный советской пропагандой. Дмовскому повезло гораздо меньше. На него обращают внимание прежде всего в контексте истории Государственной думы, членом II и III созыва которой он был в 1907–1909 гг., возглавляя польскую фракцию («коло»). Примером этого может служить вступительная статья к рецензируемому изданию профессора К.А. Соловьёва. Без сомнения, изучение деятельности Дмовского важно для истории российского парламентаризма. Однако концентрация только на этом аспекте неизбежно деформирует представление о нём как о политической фигуре. Между тем в Польше (не говоря уже об эмигрантской и мировой историографиях) исследование жизни и деятельности Дмовского началось ещё в 1970-х гг., а в последние годы особенно активизировалось.

Поэтому публикацию одного из важнейших текстов этого политика и публициста — равно как любые усилия по введению его фигуры в контекст отечественной исторической науки — следует только приветствовать. Без серьёзного изучения его деятельности и наследия невозможно адекватное представление об истории польского национального движения, польского национализма, Второй Речи Посполитой, невозможно понять и современную общественно-политическую жизнь Польши.

Очевидно, что рецензирование текста, впервые изданного более ста лет назад и ныне переиздаваемого в обновлённом переводе, с современным предисловием и вступительной статьёй, требует иного подхода, чем рецензирование абсолютно новой книги. Анализировать и подвергать историографической критике, тем более реферировать текст с позиций современной науки было бы, пожалуй, странно. Это памятник исторической и политической мысли своего времени. Зато публикация даёт нам повод и материал для того, чтобы поразмышлять о сложной и противоречивой фигуре автора — о формировании его взглядов в широком контексте того времени, а также о том, как формировался и функционировал образ Дмовского в польской культурной памяти.

Когда-то Ю.М. Лотман сказал, что в памяти культуры тексты не хранятся, а «растут». В этом смысле мы не можем просто вернуться к тексту, каким он был опубликован в 1908 г. Мы должны реконструиро-

вать взгляды автора, а также постараться учесть все трансформации восприятия, которые имели и имеют место под влиянием исторических событий и новых культурных смыслов. Последние особенно важны для нового прочтения рассматриваемого текста — с учётом значительной временной дистанции. Впрочем, решить эту задачу в рамках рецензии невозможно, понадобилась бы историко-культурологическая биография Дмовского. Однако поставить задачу и наметить пути её решения можно попытаться.

Интересующая нас книга была написана Дмовским довольно быстро, в августе–сентябре 1907 г. в Швейцарии, в местечке Глион сюр Монтре на берегу Женевского озера, и вышла во Львове годом позже. Книга предназначалась прежде всего иностранному читателю и отражала поиски новой тактики борьбы после бурных событий 1904–1907 гг.

Основной темой работы стала «немецкая угроза». Дмовский считал её естественным следствием «стихийного» развития немецкой нации после появления объединённой Германии. Главным препятствием для экспансии германизма в Центральной и Восточной Европе автор считал «польский элемент». Ни Австро-Венгрия, ни Россия — давние объекты немецкого политического, экономического и культурного влияния — таковыми быть не могли. Из чего делался вывод — всякая антипольская политика, прежде всего российская, служит интересам Германии. Как полагает один из ведущих современных исследователей идей и политической деятельности Дмовского К. Кавалец, политик из тактических соображений старался представить курс российских властей как навязанный «настоящим россиянам» многочисленными немецкими чиновниками в имперской администрации³.

Сопротивление «немецкой экспансии» могло эффективно осуществляться только при восстановлении независимого Польского государства в границах 1772 г. Однако шанс на это появлялся лишь при столкновении между Германией, Австро-Венгрией и Россией. В условиях начала XX в. это означало мировую войну. Поэтому обострение отношений европейских держав, складывание антагонистических блоков (Тройственного союза и Антанты), «военные тревоги» вселяли в польских политиков надежды. Но одновременно возникла необходимость сделать «рискованную ставку» — связать проекты объединения польских земель с победой одной из сторон. Собственно, политический антагонизм Дмовского и Пилсудского и проявился в том, что первый встал на сторону Антанты, а второй предпочёл союз с Австро-Венгрией и Германией.

Именно в этом контексте и следует понимать стремление Дмовского к диалогу и поискам взаимопонимания с российскими властями, участие в политике, попытки включиться в международное славянское движение. Именно эта концепция и нашла отражение в рассматриваемой книге.

Славянское движение (с активным включением в него «польского элемента») представлялось Дмовскому полезным: с одной стороны, оно носило отчётливо антинемецкий характер, с другой, вовлечение в него России сделало бы невозможным проведение активной русификаторской политики на территории бывшего Царства Польского. Поэтому Дмовский поддержал чешскую инициативу созыва в Праге Славянского съезда (июль 1908 г.). Однако форум показал бесперспективность его надежд на изменение политического курса «перед лицом общего немецкого врага». Российская делегация под руководством гр. В.А. Бобринского последовательно отстаивала идею русификации «восточных окраин» (кресов) и польских территорий в составе Империи.

Съезд прошёл в обстановке нарастающего напряжения, непосредственно перед «боснийским кризисом», вызванным аннексией Боснии Австро-Венгрией 5 октября 1908 г. Но этот кризис не привёл к мировому конфликту, в результате Дмовский утратил интерес к славянскому движению и в следующем Славянском съезде в Софии (1910) польская делегация уже участия не принимала. «Славянская идея» как таковая, вне инструментального политического использования, Дмовского не занимала. Более того, он считал неприемлемыми проекты польской идентичности, основанные на этнической традиции, фольклоре и т.п. Польская идентичность должна быть политической, основанной на памяти об исторической государственности и стремлении к восстановлению своей державной роли в европейской политике. Государство для развития нации необходимо, без него она деградирует до состояния «этнографического племени».

Встречающиеся довольно часто (в том числе и в Польше) — и питаемые, прежде всего, поверхностным знакомством с рецензируемой книгой — представления о пророссийской/русофильской позиции Дмовского необоснованны. Ориентация на Россию также носила у него конъюнктурно-политический характер (как, впрочем, и ориентация Пилсудского на «центральные державы»). Он действительно критиковал романтическую «повстанческую традицию» и выступал против новых восстаний на польских

территориях Российской империи. Однако связано это было прежде всего с опасениями, что таковые повернут Россию в сторону Германии и создадут основу для российско-немецкого союза, отдалив тем самым перспективу конфликта двух империй и мировой войны. Опора на Россию, по мысли Дмовского, была возможна лишь в расчёте на её конфликт с Германией (при поддержке западных союзников — Франции и Англии).

При этом на будущее российской государственности Дмовский смотрел с пессимизмом (который был скорее оптимизмом, если иметь в виду планы восстановления Польши). Он полагал, что империя расширилась настолько и поглотила такое количество территорий и народов, что ей не удастся удержать и «переварить» оные без решительной реформы государственного управления, в частности резкой децентрализации власти. Поскольку же российская политическая традиция такова, что ни отказаться от дальнейшей экспансии, ни пойти на реформы империя не сможет, её ждут постепенное ослабление, кризис, отпадение окраин и переход в статус второстепенной державы. Европеизацию России он считал довольно поверхностной, а суть её культуры — весьма далёкой от европейских ценностей (в чём-то этот постулат перекликается с идеей О. Шпенглера о «петровской псевдоморфозе» русской культуры). Сам Дмовский в культурно-цивилизационном отношении ориентировался на «романскую» Европу, полагая, что современная ему Европа находится в кризисе именно потому, что далеко отошла от римского идеала гармонии личной свободы и коллективизма.

Главным «достоинством» России, с точки зрения политических проектов Дмовского, является то, что по сравнению с Германией она слаба, плохо управляется, не имеет такого мощного потенциала экономической и культурной экспансии, а власть обладает особой способностью создавать «в каждой сфере безвыходную ситуацию». Это сочетается с жестокостью, неуважением прав оппозиции и проч. Во внешней политике Россия, по мнению Дмовского, будет сталкиваться с растущими проблемами на Дальнем Востоке (угроза со стороны Японии, а в перспективе и Китая). Именно поэтому польская национальная политика должна делать акцент на немецкой, а не на российской угрозе. Однако для реализации его проекта упадок России был также необходим, как и поражение Германии. И с течением времени Дмовский всё больше ориентировался на Англию и Францию, ожидая от них помощи в решении «польского вопроса». Вкупе

с тем, что многие из мрачных наблюдений и прогнозов оказались весьма точными, политика трудно заподозрить в романтической «русофилии».

Вообще, взгляды Дмовского меньше всего диктовались «-филиями» и «-фобиями». Они определялись жёстким прагматизмом и концепцией «национального эгоизма». На последней стоит остановиться подробнее. Она была сформулирована Дмовским в начале его пути как общественно-политического деятеля в двух работах: «Мысли современного поляка» (1902) и «Основания польской политики» (1905). Кстати, одновременно схожие идеи развивал его соратник, один из основателей Национальной лиги, довольно известный в своё время социолог З. Балицкий в работе «Национальный эгоизм в отношении этики». Однако последняя не пользовалась большой известностью и популярностью в силу сложного языка и наукообразного стиля. Труды же Дмовского стали своеобразным «катехизисом польского национализма». Следует отметить, что в теоретическом отношении лагерь Дмовского вообще был сильнее «пилсудчиков». Его лидер обладал талантами лектора и популяризатора. Рецензируемая книга местами напоминает учебное пособие, сжато и ясно излагающее исторические сюжеты.

«Национальный эгоизм» стал одной из двух главных версий «польского пути». Второй явилась модель Пилсудского, приверженная общечеловеческим целям и идеалам. Однородной польско-католической Польше Дмовского противостояла Польша Пилсудского — поликультурная, полиэтническая и многоконфессиональная федерация народов. «Польскость» для Пилсудского означала прежде всего идентификацию с политической традицией и ценностями «ягеллонской» Речи Посполитой. По мнению Дмовского же народ должен быть однороден в культурном, языковом и конфессиональном отношении, а все элементы, не поддающиеся колонизации — остаться за границами государства (одним из первых при этом, конечно, сразу же возникал «еврейский вопрос»).

Многое во взглядах Дмовского по сей день остаётся привлекательным для приверженцев более или менее радикальных версий национализма, отталкивая сторонников левых или либеральных взглядов. Научной задачей, однако, является их понимание в интеллектуальном контексте эпохи.

Общей «рамкой» для становления национализма в версии Дмовского была ситуация кризиса основ классической европейской мысли, получивших наиболее законченное

воплощение в XIX в. Это представления о единстве человечества, его прогрессе, стремлении к свободе и рациональному устройству жизни как конечной цели цивилизации. В политике они воплощались в идеалах прогрессизма и либерализма, которые так или иначе разделялись не только либералами, но и левыми, и даже консерваторами. Однако на переломе XIX—XX вв. все эти идеи подверглись острой критике. Одним из продуктов нового, «кризисного мышления» явилась идея существования культур/цивилизаций как особых организмов, обладающих специфическим «духом», взаимно непроницаемых и даже враждебных. Достаточно вспомнить сочинения Шпенглера, Н.П. Данилевского, а в польском случае — Ф. Конечного. Под этим влиянием и родились идеи Дмовского о противоположности России и Европы, о Польше как «поле битвы» этих цивилизаций, необходимости борьбы за польскую принадлежность к европейской цивилизации.

Другим источником взглядов Дмовского был социологический реализм и антииндивидуализм, характерный для социальной мысли того времени и выраженный в работах, например, Л. Гумпловича или Э. Дюркгейма. Дмовский декларировал, что народ — не «мертвая цифра» и не совокупность единиц, а живое историческое целое, в отношении которого индивид имеет обязанности. Быть поляком — значит иметь «польские обязанности». Это довольно далеко от либерального национализма XIX в., который идею нации связывал с идеей свободы и писал на своих знамёнах знаменитый польский лозунг «За нашу и вашу свободу!». Дмовский разделял представления «интегрального национализма», полагая, что интересы нации должны стоять выше личной свободы её членов, а интересы других наций вообще не должны приниматься во внимание. В международных (межнациональных) отношениях господствует социал-дарвинизм (Дмовский окончил естественный факультет Варшавского университета). Христианская этика касается только отношений человека с Богом и человека с человеком, но не отношений человека с народом и народов друг с другом. Эта концепция в принципе не могла не вести к нравственному релятивизму, и со временем Дмовский постарался смягчить свои взгляды, понимая, что истинная христианская религиозность плохо совместима с «национальным эгоизмом».

Анализ можно продолжить, но в принципе сказанного достаточно, чтобы определить национализм Дмовского как вполне закономерный продукт кризиса европейской

интеллектуальной культуры на переломе веков. Стоит остановиться на нескольких характеристиках, наиболее часто звучащих в отношении Дмовского и призванных стигматизировать его в глазах оппонентов. Это профашистские симпатии, антисемитизм и расизм. Следует рассмотреть их конкретно-исторически, не пытаясь вынести обвинительный или оправдательный приговор.

Первое обвинение представляется необоснованным. Отношение Дмовского к Германии как к главной угрозе для Польши и идея неразрывной связи католицизма и «польскости» исключали для него возможность симпатизировать А. Гитлеру. Позитивные же высказывания о Б. Муссолини относятся к 1920-м гг., когда итальянским фашизмом интересовались многие вполне уважаемые интеллектуалы и политики. Этот интерес следует рассматривать в контексте общего кризиса либерализма и парламентаризма в межвоенный период, особенно в Центральной и Восточной Европе. Кризиса, который заставлял многих видеть в фашизме единственную альтернативу большевизму. Кроме того, Муссолини не мог не импонировать политикам авторитарно-элитистского склада, каким был Дмовский, и стоит отметить, что в числе близких к его режиму теоретиков были классики элитизма – В. Парето и Г. Моска.

Это же объяснение применимо и к обвинениям в расизме. Понятие «раса» вообще было частью лексикона теоретиков и политиков того времени, однако употреблялось довольно расплывчато и широко. Например, далеко не всегда под расой понималась группа, объединённая биологическими признаками. Чаще этот термин использовался для характеристики историко-культурной общности (и именно так его употреблял Дмовский).

А вот антисемитизм действительно был одной из ярких черт взглядов политика. «Еврейский элемент» он считал мало поддающимся полонизации и тем самым угрожающим единству и целостности народа. Он, судя по всему, действительно верил в мировой еврейско-масонский заговор (в том числе и против Польши), говорил об этом

в своих интервью во время Версальской конференции и даже написал повесть (опубликованную, правда, под псевдонимом) «Наследство», в которой главный герой с этим заговором борется. Дмовский, конечно, мог бы занять достойное место на страницах «Пражского кладбища» У. Эко. В свете этого с некоторой иронией читаются в рецензируемой книге упреки политика в адрес властей Российской империи, которые «объявили войну своему шестимиллионному предпринимчивому, подвижному и сильному населению».

Идеи Дмовского живы. Он – один из отцов-основателей Польского государства, современные границы и этнический состав населения страны (почти однородно-польский) – практически точное воплощение проектов политика. Антинемецкий характер партийной пропаганды «народной Польши» и «борьба с сионизмом» конца 1960-х гг. также актуализировали многое из наследия Дмовского в самом, казалось бы, неожиданном для этого идеологическом контексте. В западных регионах (Великопольское воеводство, Познань) он до сих пор более популярный исторический персонаж, чем Пилсудский. Его работы стоят на полках книжных магазинов, его именем названы улицы городов. Дмовскому и Пилсудскому ставят памятники (хотя первому значительно реже, чем второму). Его взгляды являются важной частью самосознания польского общества. Остаётся только приветствовать обращение к фигуре Дмовского и российской историографии, способной внести свой вклад в изучение его личности и деятельности.

Примечания

¹ Davies N. Heart of Europe: The Past in Poland's Present. N.Y.; Oxford, 2001. P. 116.

² К числу наиболее важных публикаций относятся следующие: *Наленч Т., Наленч Д.* Юзеф Пилсудский – легенды и факты. М., 1990; *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008; *Сулея В.* Юзеф Пилсудский. М., 2009.

³ *Kawalec K.* Roman Dmowski. Poznań, 2016. S. 190.